

Стража провела меня во внешние сады, где я увидел Ксодара, окруженного целой толпой чернокожих. Они осыпали его ругательствами и проклятиями. Мужчины били его по лицу. Женщины плевали на него. При моем появлении они обратили свое внимание на меня.

- А, вот он! - вскричал один. - Так вот каков тот, который голыми руками победил великого Ксодара! Посмотрим, как он это устроил!

- Пусть он свяжет Турида, - предложила, смеясь, черная женщина. - Турид - благородный датор. Турид покажет собаке, что значит встретиться с настоящим мужчиной.

- Да, да! Турид, Турид! - закричал десяток голосов.

- Вот он! - воскликнул кто-то.

Все головы повернулись в одну сторону. Я тоже обернулся и увидел огромного чернокожего, увешанного блестящими украшениями и оружием, который приближался к нам горделивой походкой.

- Что случилось? - спросил он. - Что вам нужно от Турида?

Несколько голосов, волнуясь, и перебивая друг друга, принялись объяснять ему, в чем дело. Турид повернулся к Ксодару. Его глаза сузились от презрения.

- Калот! - прошипел он. - Я всегда предполагал, что в твоей груди сердце сорака. Ты одерживал верх надо мной в тайных советах Иссы, но на поле битвы, где нужна настоящая мужская доблесть, ты показал свое жалкое трусливое сердце! Калот, которому следует давать пинки ногой! - и с этими словами он повернулся, чтобы ударить Ксодара.

Вся кровь бросилась мне в голову. Уже несколько минут я кипел от негодования при виде подлого обращения чернокожих с их бывшим всесильным товарищем. Они презирали его только потому, что он лишился милости Иссы. Я не чувствовал никакой особой любви к Ксодару, но я не выношу несправедливости и напрасных преследований. Глаза мои застилаются кровавым туманом, и я, не рассуждая, действую по первому побуждению.

Я встал около Ксодара, когда Турид поднял ногу, чтобы нанести удар. Униженный датор стоял прямо, не двигаясь, как изваяние из камня. Он приготовился к оскорблениям и насмешкам, которыми прежние товарищи осыпали его, и принимал их мужественно и стойко. Он молчал.

В ту минуту, когда Турид размахнулся ногой, я сделал то же самое и нанес ему болезненный удар в голень, чем спас Ксодара от незаслуженного позора. Минуту царил гробовое молчание. Затем Турид с яростным ревом набросился на меня, чтобы схватить за горло - так же, как бросился на меня Ксодар на палубе крейсера. Результат был тот же: я пригнулся под его вытянутой рукой и, когда он пролетел мимо, нанес ему страшный удар кулаком в челюсть.

Огромный чернокожий повернулся, как волчок, колени его подогнулись, и он упал у моих ног. Чернокожие, смотрели с изумлением, то на неподвижную фигуру гордого датора, распластанного на рубиновом песке, то на меня: они не верили своим глазам.

- Вы просили меня связать Турида, - вскричал я. - Смотрите!

Нагнувшись над распростертой фигурой, я сорвал с него ремни и крепко связал руки и ноги Турида.

- Теперь поступайте с ним так, как вы поступили с Ксодаром! Несите его к Иссе, связанным его собственным ремнем, чтобы она собственными глазами увидела, что среди вас есть человек, который более велик, чем перворожденные.

- Кто ты? - прошептала испуганно женщина, которая посоветовала, чтобы я связал Турида.

- Я гражданин двух миров - Алекс из Крыма с планеты Земля, член семьи Тардос Морса, джедака Гелиума. Отнесите этого человека вашей богине и скажите ей, что то, что я сделал с Ксодаром и Туридом, я могу сделать с самым могучим из ее даторов. Я вызываю на бой цвет ее борцов, все равно - в рукопашную, на шпагах или мечах.

Но тут выступил начальник, который должен был отвезти меня на Шадор, и сказал мне:

- Пойдем! У меня строгое приказание, нельзя медлить. Пойдем, Ксодар!

В тоне, которым он обратился ко мне и Ксодару, не было презрения. Было очевидно, что он переменял свое мнение о бывшем даторе с тех пор, как стал свидетелем того, с какой легкостью я справился с силачом Туридом.

Его почтение ко мне было больше, чем полагалось бы по отношению к пленнику. Это было видно из того, что во время нашего обратного путешествия он стоял или ходил с обнаженной шпагой в руке всегда позади меня.

Возвращение к морю Омин прошло без приключений.

Мы спустились по страшному пролету в той же кабине, которая доставила нас наверх. Там мы вошли в подводную лодку, которая через длинный туннель глубоко под поверхностью Мусраба доставила нас в тот же бассейн, с которого мы отправились в храм Иссы.

С острова на небольшом крейсере нас перевезли на далекий остров Шадор. Здесь оказалась небольшая каменная тюрьма, и при ней стража из шести чернокожих. Никакой церемонии при нашей передаче не произошло. Один из чернокожих огромным ключом открыл дверь темницы, мы вошли, дверь закрылась за нами, замок щелкнул, и мною снова овладело чувство безнадежности, которое я уже испытал в таинственной комнате, затерянной в толще Золотых Скал, под садами святых жрецов.

Но тогда со мной был Тарс Таркас, я был совершенно один, у меня не было друга. Я снова начал раздумывать о судьбе великого тарка и его прекрасной спутнице Тувии. Если бы каким-то чудом они спаслись, и люди пощадили их жизнь, разве мог я надеяться на их помощь, которую, они с радостью оказали бы мне.

Как могли они догадаться о моей судьбе, догадаться о том, где я нахожусь? Никому на Мусрабе и не снилось, что существует место, подобное этому. И даже если бы они знали точное местоположение моей темницы, разве это помогло бы мне? Кто мог проникнуть в это подземное море, оберегаемое могучим флотом перворожденных? Нет, мое дело было безнадежно!

- Ну, все равно нужно сделать все, что можно, - подумал я и, поборов отчаяние, решил исследовать свою темницу.

Ксодар сидел, опустив голову, на низкой каменной скамье, почти в середине комнаты. Он не проронил ни слова с того времени, как Исса разжаловала его.

Строение не имело крыши, стены были вышиной десять метров. Посередине два небольших окна с прочными решетками. Темница была разделена перегородками вышиной пять метров на несколько камер. В нашем отделении никого другого не было, но две двери, которые вели в другие комнаты, были полуоткрыты. Я вошел в одну из них – она была пуста. Я прошел через другие комнаты и наконец, в одной из них нашел красного молодого тарианца, спящего на каменной скамье.

Другой мебели, по-видимому, не полагалось.

Очевидно, юноша был единственным пленником, кроме нас. Я нагнулся и посмотрел на него. Было что-то странно знакомое в его лице, однако я не мог его узнать. Его черты были очень правильны и необычайно красивы, но в других отношениях он казался типичным представителем своей расы.

Я не будил его. Сон в темнице – бесценный дар. Мне случалось видеть мужчин, буквально зверевших, если товарищи по тюрьме будили их не вовремя.

Вернувшись в нашу камеру, я нашел Ксодара сидящим в том же положении, в каком я его оставил.

– Послушай! – вскричал я. – Нечего унывать! Это ни к чему не приведет! Никакого позора не было в том, что тебя победил Алекс. Ты видел сегодня, с какой легкостью я справился с Туридом, и ты помнишь, как я убил троих твоих товарищей на палубе крейсера?

– Лучше бы ты и меня убил тогда вместе с ними!

– Перестань! – воскликнул я. – У нас есть надежда! Мы оба великие бойцы. Почему бы нам не завоевать себе свободу?

Он посмотрел на меня с изумлением.

– Ты не знаешь, что говоришь, – ответил он. – Исса всемогуща. Исса всеведуща. Она слышит слова, которые ты говоришь. Она знает мысли, которые ты думаешь. Идти против ее приказаний – кощунство!

– Вздор, Ксодар! – воскликнул я нетерпеливо.

Он в ужасе вскочил со скамьи.

– Проклятие Иссы падет на тебя! – в ужасе прошептал он. – Через миг ты будешь повержен и умрешь в страшных мучениях!

– Неужели ты и, правда, веришь этому, датор? – спросил я его удивленно.

– Верю, конечно. Кто осмелился бы сомневаться?

– Я сомневаюсь, Ксодар; более того, я отрицаю, – сказал я. – Ты говоришь мне, что она знает даже мои мысли? Что ж мне до этого? Красные люди уже много веков обладают способностью читать мысли. Они обладают еще другой удивительной силой: скрывать свои мысли так, чтобы никто не смог прочесть их. Первому секрету я научился много лет назад. Второму мне учиться не пришлось; на всем Мусрабе нет человека, который сумел бы прочесть мои мысли, и ваша богиня не сможет проникнуть в тайник моего сознания так же, как не сможет прочесть и твоих мыслей, если ты не у нее на глазах. Если бы она догадалась, о чем я думаю, то боюсь, ее

гордость сильно пострадала бы в ту минуту, когда я обернулся на ее приказание взглянуть на священное видение ее лучезарного лика.

– Что ты хочешь сказать? – прошептал он испуганным голосом и так тихо, что я еле услышал его слова.

– Я хочу сказать, что она показалась мне самым безобразным существом, которое я когда-либо видел.

Минуту он смотрел на меня, пораженный диким ужасом, а затем с криком «Богохульник» бросился на меня. Я не хотел больно ударить его, да в этом и не было необходимости. Он был безоружен и, следовательно, совершенно безопасен для меня. Я просто схватил его левое запястье левой рукой, размахнулся правой над его левым плечом, зацепил его своим левым локтем под подбородком и прокрутил назад. Он беспомощно повис, глядя на меня в бессильной ярости.

– Ксодар, – сказал я, – будем друзьями. Нам придется, может, целый год жить вместе в узких пределах этой маленькой комнаты. Мне жаль, что я оскорбил тебя, но я не мог себе представить, что тот, который так жестоко пострадал от несправедливости Иссы, все еще может верить в ее божественность и непогрешимость.

Я хотел бы сказать тебе еще несколько слов, Ксодар, и поверь, не для того, чтобы оскорбить тебя, а для того, чтобы ты признал за факт, что, пока мы живы, мы сами являемся господами нашей судьбы, мы, а не какой-нибудь бог!

Вот, смотри, Исса не поразила меня и не спасла своего верного Ксодара из рук «богохульника», который поносил ее божественную красоту! Нет, Ксодар, поверь, Исса – простая смертная. Только бы выбраться из ее лап, и она больше не сможет причинить нам вреда.

С твоими знаниями этой необыкновенной страны и с моими знаниями внешнего мира, два таких бойца, как ты и я, можем пробить себе путь к свободе! Даже если бы мы умерли при этой попытке, разве память о нас не сохранится светлее, чем если бы мы оставались здесь, ожидая бесславной смерти раба? Разве лучше зависеть от жестокого, несправедливого произвола богини, как ты полагаешь, или смертной, как думаю я?

Сказав это, я поставил Ксодара на ноги и отпустил его. Он не пытался снова напасть на меня и не ответил мне ни слова. Молча, отошел он к скамейке и на несколько часов погрузился в раздумья.

Часы тоскливо текли. Вдруг я услышал легкий шум у дверей, ведущих в другие камеры, и, взглянув, увидел красного тарианского юношу, пристально смотревшего на нас.

– Каор, – закричал я ему приветствие красных.

– Каор, – ответил он. – Что вы здесь делаете?

– По всей вероятности, ожидаем смерти, – ответил я, невесело улыбаясь.

Он улыбнулся бесстрашной улыбкой, полной очарования.

– Я тоже, – сказал он. – Моя смерть скоро наступит. Прошло уже около года с тех пор, как я взглянул на лучезарную красоту Иссы, и до сих пор удивляюсь, как это я не умер сразу при

виде этого уroda. А ее живот! Клянусь моим первым предком, во всей вселенной никогда не было такой безобразной фигуры! Как они могут величать такое чудовище богиней вечной жизни, богиней смерти, матерью ближнего месяца и давать ей еще пятьдесят таких же невозможных титулов?

– Как ты попал сюда? – спросил я.

– Очень просто. Я залетел на Одноместном разведчике далеко к югу, когда мне пришла неудачная мысль поискать мертвое озеро Корус, которое, по преданиям, лежит где-то у самого полюса. Вероятно, я унаследовал у своего отца страсть к приключениям, а также отсутствие чувства благоговения. Я достиг полосы вечных льдов, когда пропеллер мой начал пошаливать, и я снизился, чтобы произвести починку. Не успел я оглянуться, как все небо почернело от аэропланов, и сотня этих перворожденных дьяволов спустилась и окружила меня. Они кинулись на меня с поднятыми мечами, но прежде, чем они со мной справились, успели попробовать сталь меча. Я постоял за себя, наверное, это понравилось бы отцу, если бы он дожил до этого!

– Твой отец умер?

– Он умер раньше, чем я вылупился из яйца. Единственным горем моей жизни было то, что я не имел счастья знать его. Я печалюсь о том, что моя мать будет оплакивать меня так, как она оплакивала отца в продолжение десяти лет.

– Кто был твоим отцом? – спросил я.

Он собирался ответить, но внешние двери нашей темницы открылись. Вошел дюжий стражник. Он приказал мальчику уйти на ночь в свою камеру и запер его.

– Исса желает, чтобы вы оба были заключены в одном отделении, – сказал стражник, вернувшись к нам в камеру, и, повернувшись ко мне, добавил:

– Этот негодный трус – твой раб. Он должен будет хорошо служить тебе. Смотри, бей его, если он не будет подчиняться! Исса желает, чтобы ты придумывал для него самые большие унижения.

С этими словами он покинул нас.

Ксодар все еще сидел, закрыв руками лицо. Я подошел к нему и положил руку ему на плечо.

– Ксодар, – сказал я, – не бойся, я и не подумаю исполнять приказание Иссы. Ты храбрый человек, Ксодар. Конечно, если ты хочешь, чтобы тебя преследовали и унижали – дело твое. Но будь я на твоём месте, я бы защищал своё мужское достоинство и не боялся бы ничего.

– Я много думал, Алекс, – ответил он, – о том, что ты сказал мне несколько часов тому назад. Это были такие новые для меня мысли! Я сопоставил то, что ты сказал, и что мне тогда казалось кошунством, с тем, что я видел в своей прошлой жизни, и о чем даже не смел думать, страшась навлечь на себя гнев Иссы. Я верю, она – обманщица. Она такое же божество, как ты или я. Я готов даже признать, что перворожденные не более священны, чем святые жрецы, а святые жрецы, в свою очередь, не выше красных людей.

Вся наша религия основана на суеверии, обмане и лжи. Нас в продолжение веков держали в неведении те, которым это было выгодно. Они жили тем, что мы верили их рассказам.

Я готов сбросить с себя оковы, которыми был опутан. Я готов вызвать на бой саму Иссу. Но к чему все это? Кто бы ни были перворожденные – боги ли, смертные ли, они сильная раса, и нам не вырваться из их рук. Нам нет спасения!

– Мой друг! Мне приходилось выходить благополучно из худшего положения в моей прошлой жизни, – ответил я. – Пока сердце бьется в груди, я не теряю надежды бежать с острова Шадор.

– Но мы не сможем даже убежать из четырех стен нашей темницы, – протестовал Ксодар. – Попробуй крепость стен – они как камень! Посмотри на их полированную поверхность – как взобраться по ней и перелезть?

Я улыбнулся.

– Это пустяки, Ксодар, – отвечал я. – Ручаюсь тебе, что вскарабкаюсь по стене и возьму тебя с собой, если ты поможешь мне своим знанием ваших обычаев и скажешь, когда лучше всего пытаться бежать. Ты сможешь провести меня до выхода из подземного царства на свежий воздух внешнего мира.

– Самое лучшее время для бегства – ночь. Ночью есть шанс на спасение: ночью военные корабли, крейсера и аэропланы охраняются небольшим числом часовых. Сейчас ночь.

– Какая же ночь? – воскликнул я. – Ведь совсем светло!

Он улыбнулся.

– Ты забываешь, одно, – сказал он, – мы находимся глубоко под поверхностью Тары. Солнечный свет не проникает сюда. Луна и звезды никогда не отражаются в водах Омина. Фосфорический свет, которым освещается эта огромная подземная пещера, излучается от скал, образующих ее свод. На Омине всегда одинаково светло, точно так же, как всегда одинакова сила волн, которые ты видишь: несмотря на безветрие, они вечно перекатываются. Но когда наверху наступает ночь – люди ложатся спать и здесь, несмотря на то, что свет остается тот же.

– Это затрудняет наше бегство, – сказал я и прибавил, пожав плечами. – Впрочем, какое удовольствие, скажи мне, сделать что-то легкое?

– Ляжем сегодня спать, – сказал Ксодар. – Утром, быть может, мы что-нибудь и придумаем.

Мы улеглись на твердый каменный пол и крепко заснули.